

определенным типом мышления; определенным типом общественного производства, в том числе и «духовного производства» (Маркс), определенным типом общественно-производственных отношений; в конечном счете, обусловленной феодальным способом производства. Но вся ли алхимия и все ли европейское средневековье есть предмет последующего разбирательства? XII—XV столетия — пора высокого средневековья, только-только осознающего себя культурой; средневековья, уже умеющего взглянуть на себя со стороны. Рефлексия — ускоритель времени на мыслительных часах человечества. Выбранные столетия — это как раз то время, когда на часах средневековой истории угадывается движение не только вековой, но и стрелки, отсчитывающей десятилетия. Такое время легче отмечать. Сознание само становится проблемой: «Я поднял глаза, чтоб увидеть — видят ли меня...» (Данте, 1968, с. 46). Вот почему именно эти века есть центральный временной объект нашего исследования, который, если он хочет таковым быть, — должен быть взят, согласно Марксу, в наиболее развитой форме⁴. Правда, выходы в сопредельные регионы и в сопредельные времена не только возможны — необходимы. Но выходы, завершающиеся обязательным возвращением в выбранные пространства и века.

А ТЕПЕРЬ, читатель, прислушаемся не только к имени, но всмотримся в расхожие изображения алхимии. Это прежде всего вполне средневековая вещь. И витиеватость словесной вязи, и нормативное ремесло, и впечатляющая картинность, и истовая боговдохновенность, и схоластическое наукообразие... Дело, отмеченное неистребимым знаком средневекового мышления, каким оно отпечатано в обыденном сознании нынешнего дня.

Но... подойдем чуть ближе, и мы заметим, что слово в алхимии — грубее и прямолинейней. Речи алхимиков темны, рецепт расплывчат, ремесло неудачливо и погружено в недостижимую утопию. Да и бог у алхимиков какой-то не такой — мелочный, беспомощный, мишурный. Подлинный бог — скорее сам алхимик. А картинки, сопровождающие рассказы об алхимиках? Алхимическая живопись площе и натуралистичней утонченных иконописных ликов. Что же до теоретически обоснованной еще самим Аристотелем алхимической науки об элементах, то наука эта, оказывается, ничуть не помогает златодельческой практике. Выходит, вовсе не средневековая вещь — алхимия. Тогда какая же?

Всмотримся пристальней: алхимический инструментарий — колбы, бани, печи, горелки; специально изготовленные вещества для химических взаимодействий; обработка веществ — растворение, фильтрация, перегонка. Не химия ли это? Может быть, и химия. Но какая-то дремучая, неудобная, когда ртуть и сера — это не только вещества, но и бесплотные принципы; когда газ — это не только нечто воздухоподобное, но и некий дух, таинственный, потусторонний. Верно: отдельные практиче-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 731—732.